

Валерий Дементьев,
секретарь правления Союза писателей РСФСР

Бесценный дар

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. С. ЛЕСКОВА

Он, Лесков, пронзил всю Русь...

М. Горький

Н. С. Лесков
Портрет работы
художника
В. Серова.

Дом надворного советника Семена Лескова, на каменном фундаменте, «с плодovitым садом», в котором до сих пор плодоносят груши и цветут липы, был хорошо известен жителям Орла не только по архивным документам. Этот дом, типичный деревянный особняк начала прошлого века, в котором прошли детские годы писателя Николая Семеновича Лескова, указал сын писателя и его биограф Андрей Лесков. По семейным преданиям, по воспоминаниям отца, этот дом находился на 3-й Дворянской улице и стоял третьим по счету от берегового обрыва над рекою Орликом... (ныне — дом 9 по улице Октябрьской). В 1974 году в этом доме был создан музей Н. С. Лескова, и дом внесен в число памятников культуры и искусства Российской Федерации.

В феврале 1981 года в связи со 150-летием со дня рождения Н. С. Лескова экспозиция музея значительно расширилась, пополнилась новыми материалами, документами, книгами. Помимо изданий, иллюстрированных такими выдающимися художниками, как Б. Кустодиев, М. Добужинский, Кукрыниксы, А. Тюрин, И. Глазунов, в экспозиции были представлены иллюстрации народного художника СССР Н. В. Кузьмина, а также изделия «потомков Левши», народных умельцев, прославивших свои работы и сувениры из различных городов страны. В юбилейном, 1981 году, в Орле был создан целый мемориальный комплекс, в который вошел и Дом-музей, и памятник Н. С. Лескову с фигурами его главных героев. Были установ-

лены мемориальные доски на зданиях, так или иначе связанных с его пребыванием в самом городе, да и вообще на Орловской земле. Ибо орловские темы, орловские сюжеты, орловские прообразы героев стали органической частью творческого наследия этого выдающегося художника земли русской. Стоит вспомнить хотя бы «Леди Макбет Мценского уезда», «Мелочи архиерейской жизни», «Тупейного художника», «Захудалый род», «Грабеж», «Юдоль», «Житие одной бабы», романы «Некуда», «На ножах», «Соборяне», чтобы понять, насколько широко использовал писатель впечатления детских, отроческих и зрелых лет в своих произведениях, насколько остро он «нуждался в живых людях», которые бы могли его заинтересовать «своим духовным содержанием», а сам он использовать действительно событие, имевшее место в их жизни.

Следует заметить также, что идея мемориального лесковского комплекса жила и в то время, когда этот писатель многотрудной и сложной судьбы у ряда лиц, занимавших видное положение не только в литературе, оставался, по словам В. Д. Бонч-Бруевича, «в таком же неавантаже, как был и раньше», и когда сотая годовщина со дня его рождения проходила «в великоленной немоте» (А. Н. Лесков). Чтобы развеять этот «неавантаж» и эту «немоту» вокруг имени писателя, своими произведениями «пронзившего Русь», потребовалось время, потребовались усилия нашей общечеловечности, а самое главное — неизменная и глубочайшая

любовь читателей к творцу «Сказа о тульском косом Левше» и других произведений, ставших нашей классикой. Велика роль А. М. Горького в этом «возвращении» Лескова широкому, подлинно всенародному читателю. И эта горьковская, подлинно современная точка зрения оказалась возобладающей на юбилейных вечерах, прошедших в Доме союзов в Москве и в Орле, на научных конференциях, проведенных ИМЛИ им. Горького и ИРЛИ (Пушкинский дом) в Ленинграде, а также других городах нашей страны. Это современное понимание творческого наследия Н. С. Лескова, его значения в духовной и культурной жизни нашего народа было выражено в многочисленных статьях, очерках, заметках, опубликованных в периодической печати и посвященных знаменательной дате.

Вот почему, мне кажется, необходимо суммировать или, во всяком случае, определить основные биографические и творческие вехи Николая Лескова, чтобы мероприятия по увековечению его памяти предстали перед нами в своей истинной масштабности и в своем истинном значении.

Великий художественный дар Николая

героев, оживших на страницах его сказов, повестей, романов.

Прежними биографами уже отмечалось, что Лесков соединил в себе кровь четырех сословий: дед — священник из села Лески, бабушка Акулина Васильевна — из московского купеческого рода, отец Семен Дмитриевич — чиновник, «замечательный умник и дремучий семинарист» не чуждый, однако, литературных наклонностей и пристрастий... Мать — из орловских дворян Алферьевых, характером скорая и нетерпеливая.

Однако прав Горький, что лишь пятое сословие — сословие крестьянское, оказало решающее воздействие на душевный и нравственный облик будущего писателя. Нянькою его была Любовь Онисимовна, бывшая крепостная актриса, за ним ходила дворовая бабка Аграфена и дворовый человек Храпошка, товарищами по играм оказались его сверстники — дворовые мальчишки. Это было то самое, как тогда говорили, простонародье, которое и формировало стихийный демократизм Лескова, его эстетический вкус, его чутье к меткому, сочному, ядреному русскому слову.

Не случайно уже в зрелом возрасте писатель замечал, что он не изучал народ по разговорам с петербургскими извозчиками, нет, он вырос в народе.

Однако далеко не одни радости являлись уделом хуторского паньча. Для его впечатлительной натуры особенно нетерпимыми были унижения и обиды со стороны богатых родственников, равно как и рассказы дворни о наказаниях крепостных людей, нищета и убожество окружающих селений, грустное жите деревенских баб. С той ранней поры и начала развиваться в нем «мучительная нервность» от которой он страдал всю свою жизнь.

Орловские пожары, сгубившие все имущество Лесковых, и смерть отца от холеры поставили семью на грань нищеты. И вот шестнадцатилетний подросток, старший в многодетном семействе, начинает свою трудовую жизнь. Он переезжает в Орел, затем в Киев, затем в Пензу и, наконец, в Петербург. Служит у англичанина Шкотта, своего дальнего родственника, в фирме «Шкотт и Вильконе».

Эта коммерческая служба требует от него беспрерывных разъездов по России — от Черного до Белого моря: молодой чиновник сопровождал партии крестьян-переселенцев. Кстати сказать, его деловые отчеты, направляемые патрону, несли печать несомненных литературных способностей. На эти-то способности и обратили внимание его доброхоты, вроде писателя И. Селиванова, которые и поспособствовали публикации его первых корреспонденций в газетах и журналах за 1860 год.

Сын писателя и его биограф Андрей Лесков на страницах своей книги рассказывает, что, уже будучи человеком весьма почтенного возраста, писатель, отвечая на восхищенные вопросы, откуда у него такое неистощимое знание своей страны и своего народа, такой неисчерпаемый запас впечатлений, как бы озирая глубь минувшего и слегка постукивая кончиками пальцев в лоб, медленно отвечал: «Все из этого сундука...» И пояснял, что за годы странствий и разъездов по России в него складывался багаж, которого хватило на всю жизнь и которого не найдешь ни на Невском проспекте, ни в Петербургских канцеляриях и ресторанах.

Вот почему так получилось, что самые лю-

«Левша».
Иллюстрация
Кукрыникова.

Семеновича Лескова, безусловно, порожден своим временем и своей эпохой. Но этот редкостный по красоте и самобытности дар чрезвычайно естествен для мироощущения нашего народа, для понимания возвыщенного в мире и душе человеческой.

Иногда кажется странным, что в русском фольклоре, в русской письменной литературе не было такого умельца, подковавшего стальную «нимфозорию», которую и под «мелкоскопом-то не сразу разглядишь. А ведь, помимо этого тульского умельца по прозвищу Левша, писателем создана целая галерея образов от «очарованного странника» Ивана Северьяновича до прекрасной Азы и других лесковских

бимые герои Лескова — это люди дороги. Дорога для них это — сама жизнь, это — поиски всех своих усилий и надежд. И хотя, — говорит «очарованный странник» Иван Северьянович, — «своего пути не обещишь», но никогда не надо отступаться и «от дерзости своего призвания».

Однако путь-дорога в литературе самого Николая Лескова не была ни накатанной, ни прямой, ни ровной.

Казалось бы, его первые шаги на литературном поприще получили одобрение со стороны «Современника». В одном из номеров этого передового демократического журнала за 1862 год отмечалась незаурядная творческая сила молодого писателя, который отнюдь не исчерпал себя, а может быть, «и не нашел своего настоящего пути...».

Увы, последнее замечание «Современника» оказалось пророческим. Николай Лесков, выступавший под псевдонимом М. Стебницкий, был весьма плодовитым публицистом, близким к лагерю шестидесятников-разночинцев. Однако в «Северной пчеле» появилась злосчастная статья, в которой Стебницкий требовал от правительства расследования о поджигателях-студентах. Современники увидели в этом выгодную для царизма версию, что в петербургских пожарах все-таки были повинны студенты. Вот эта самая злосчастная статья, равно как и «антинигилистический» роман «Некуда» (1864), на долгие годы развели писателя — уже не Стебницкого, а Николая Лескова — с передовыми слоями русского разночинства.

Теперь некоторые литературоведы, разгадавшие ряд загадок и личности, и повседневного окружения, и всего художественного наследия Лескова, склонны признавать, что многострадальное лесковское творчество даже в эту, самую первоначальную, можно сказать, юношескую пору все-таки не укладывалось в привычные схемы «антинигилистических» произведений и что русское освободительное движение, в том числе и в романе «Некуда», являлось для Лескова движением исторически закономерным, хотя и отмеченным печатью непреодолимого трагизма.

Именно такую печать носит духовный облик одного из главных героев романа — профессионального революционера Вильгельма Райнера, в образе которого видны определенные черты сходства с Рахметовым из известного романа Чернышевского «Что делать?».

И все-таки личные «терзательства» Лескова были беспредельными. Они засели у него в «печенях» на всю жизнь. Вместе с тем, талантливый писатель, опираясь на личные впечатления и на всю толщу русской словесности от «Слова о полку Игореве» до Державина, Пушкина, Гоголя, Толстого, был подлинным художником-новатором или, по словам Горького, был самобытнейшим писателем русским, чуждым каких-либо влияний со стороны.

Его поэтика — поэтика художника слова, предвосхитившего многие открытия писателей XX века. Я имею в виду не только проблему выбора, о которой могла бы идти речь. Сказовость, притчеватость, параболичность, наличие образов-«перевертышей» и «ключевых» слов, гипотетический характер концовок, трагизм и ирония в решении основной темы — все эти и многие другие художественные, смысловые, стилистические признаки нашей многонациональной прозы уже были «пробованы» и ши-

роко использованы Николаем Семеновичем Лесковым. Не случайно один из героев Василия Шукшина взывает: «Читайте Лескова! Лескова читайте!»

Горький однажды сказал о Лескове, что он «прекрасно чувствовал то неуловимое, что называется «душой народа». Правда, Лесков никогда не льстил народу, не потрафлял ему в слабостях и дурных привычках. Наряду с великими предшественниками и современниками он утверждал в сознании широкой читатель-

ской публики те духовные и нравственные ценности, которые создавались из поколения в поколение людьми труда. И эти ценности не есть некий «невещественный капитал», который переходит к человеку безо всяких усилий с его стороны, по наследству. Нет, человек, вступая в большой и сложный, мучительно противоречивый мир, должен взрастить эти ценности в себе, нажать их в собственном душевном опыте.

Таким образом, любовь Лескова к народу была не только требовательной, но и полемически заостренной в тех случаях, когда речь шла о «жизни без воли и направления». Еще острее сатира и юмор были обращены против «меркантилизма совести», против «банковского расчета», которые столь ярко воплотились в образе «Захват Иванныча» или в образе того самого квартального, который столь часто «содействует» над русским мужиком нагайкой и плетью.

В противовес всей этой «банковской», убого-торгашеской эгоистической жизни Лесков создает образы, исполненные благородства, доброты, человеческого обаяния, образы своих знаменитых «праведников» вроде «очарованного странника», или Савелия Туберозова, или «казака» — дьякона Ахиллы Десницына из романа-хроники «Соборяне», или «одномуда»

Александра Рыжова, поразившего горожан и даже самого губернатора Ланского тем, что он взяток никогда и ни под каким видом не берет.

В противовес всей этой застойной, обывательско-мещанской «тишине», казалось бы, безраздельно господствующей над весями и уездными городками России, Лесков являет миру громкое уголовное дело Катерины Измайловой. Причем простонародную драму этой женщины, без памяти влюбившейся в приказчика Сергея, писатель обращает в высокую национальную трагедию, в которой переключка с бессмертным шекировским образом не кажется натяжкой или условностью.

В противовес всему этому миру, в котором труд на захват иванычей был проклятием и мучой мученической, Лесков создает образы людей, в совершенстве владеющих своим ремеслом. К его самым значительным и художественно впечатляющим творениям принадлежат те характеры, в которых проявилась талантливость русской природы, ее природная чуткость к красоте, тяга к раскрепощенному творчеству, к вольному труду, причем потрясение зримой красотой сближает людей разного социального положения и разных национальностей. Это удивление перед возвышенным в жизни, в ремесле помогает человеку «выделаться» в человека, если вспомнить здесь замечательное выражение Достоевского. Ибо красота — источник нравственной силы и здоровья для тех, кто не отстает «от дерзости своего призвания».

Об артистической одаренности и виртуозности «маленьких великих» людей (Горький) повествует самое знаменитое произведение Лескова — «Левша». Известно, что сказ о Левше возник из коротенькой притчи о том, как туляки английскую блоху подковали. Так вот, из такой народной притчи о блохе Николай Лесков создает произведение воистину бессмертное, как бессмертен, предположим, ершовский «Конек-Горбунок». Правда, скептический, ко всему недоверчиво настроенный ум Лескова иногда видят в том, мол, хотя Левша «с сотоварищами» и подковал блоху, но блоха-то после этого перестала танцевать «каврий с верояциями». Отсюда вывод: мол, мастера-то оказались неучами: они вес «нимфозории» не учли.

Мне думается, более глубокое толкование лесковского сказа дано в одной из статей, опубликованных в связи со 150-летием со дня рождения писателя. Но вначале небольшое отступление.

По первому взгляду, совершенно непонятно, почему в конце повести говорится о поездке безвестного мастера Левши в Лондон и о его предсмертной заповеди, чтобы русские солдаты кирпичом ружейные стволы не чистили. Какая же здесь может существовать связь со стальной «нимфозорией»? А эта самая глубинная связь есть и заключается она в том, что, как бы тонко ни освоили ружейное дело английские мастера, которые для бахвальства и щегольства сумели создать заводную блоху, их умение может быть превзойдено умением тульских или тех же сестрорецких оружейников. Вот так туляки могут лишиться могущества и прославленное английское оружие.

Прекрасные образы тульских умельцев-оружейников, созданные гением Лескова, в дни Великой Отечественной войны действительно обрели новую жизнь. Новым, высоко патриоти-

ческим содержанием наполнились и многие другие произведения писателя. Но таково уж свойство подлинного таланта: время раскрывает его блистательные грани и позволяет видеть то заветное, сокровенное, что скрыто в глубине. Вот почему здесь хочется вспомнить пророческие слова Льва Николаевича Толстого: «Лесков — писатель будущего». В этих словах и выражено то заветное, что есть в облике и в творчестве замечательного писателя земли русской — Николая Семеновича Лескова.

Каждый, кто посетит Дом-музей Н. С. Лескова в Орле, не может не обратить внимания на интерьер кабинета писателя. Здесь воссоздано почти все, как было при жизни Николая Семеновича в петербургской квартире.

По воспоминаниям современников, в этом кабинете находилось множество старинных часов: карманных и настенных, больших и маленьких, перекликающихся друг с другом разнообразным боем и звуками старинных мелодий. Кроме того, на окне висела клетка с певчей птицей, и перепархивание и посвистывание этой птицы еще более оживляло этот отнюдь не чопорный, не кожанодиванный кабинет. Дело в том, что Н. С. Лесков решительно не мог работать в «комнате с голыми стенами». Над широкой квадратной софой, на которой он, по обыновению, полулежал, среди бесчисленных портретов и картин выделялся образ богородицы с младенцем древнего строгановского письма (эта икона сохранилась и находится сейчас в кабинете), а также и фотография суровой и резкой картины Николая Ге «Что есть истина?».

Столь же интересным для всех посетителей является и письменный стол Лескова, на котором стоит портрет Л. Н. Толстого, лежат любимые книги и другие вещицы вроде затейливых резаков для разрезания книжных страниц или хрустального графина эпохи Петра I. Все это нашлось после длительных поисков, предпринятых сотрудниками музея.

В своей квартире на Фурштатской Лесков прожил восемь лет. И шел ему шестьдесят четвертый... Начали учащаться припадки застарелой сердечной болезни. Во время таких припадков дыхание становилось громким, руки — ледяными, и сам он, неистово-гневный, звал домашних, чтобы они хоть как-то облегчили его страдания. И все-таки более всего Лескова истощала его прекрасная, его неутолимая страсть — страсть к писательству, которая доводила его до полного изнеможения. Долгими тревожными ночами все еще слышался ему приглушенный и вроде бы отдаленный зов: «Николай! Николай! Иди сюда, брат Николай!»

Но подступала пора, когда Лесков уже пресытился «терзательствами» своей бурной и до предела напряженной жизни, когда он уже не мог работать ночи напролет, прихлебывать холодный и крепкий, как деготь, чай, непрерывно курия и расхаживая из угла в угол по кабинету. Подступала пора, когда он мечтал, чтобы «уплыть», как недавно «уплыла» его старинная приятельница Татьяна Петровна Пассек.

Посещение Дома-музея Н. С. Лескова в Орле, равно как и других памятных мест, связанных с жизнью и творчеством этого писателя, еще раз убеждает нас, что его прекрасный художественный дар был весь безраздельно посвящен России, своему родному народу.